

Денис Голобородько

Господство в рамках дисциплины («Психиатрическая власть»: первое прочтение)

Мишель Фуко. Психиатрическая власть.

Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году /

Пер. с фр. А.В. Шестакова. СПб.: «Наука», 2007. – 450 с.

В тексте курса есть одна формула, дающая ключ к расшифровке его основной мысли:

«Речь идет о том, что один психиатр назвал «непререкаемым преимуществом разума над безумием», бывшим для него фундаментом психиатрического вмешательства» (с. 160).

Кажется, что в подобной формуле нет ничего нового. Вся «История безумия» с ее «осевой» идеей «великого заточения» выражает именно это отношение – «господство разума – рабское положение безумия», внешние формы которого меняются: от прямого насилия в форме цепей до гуманистически окрашенной заботы. Однако содержание отношения при этом остается прежним.

В «Психиатрической власти» Фуко показывает нам сцены, отражающие эти две формы власти.

Сцена первая – это безумие короля. В ней отношения господства как бы перевернуты: господство суверена оказывается низвергнуто посредством господства более мощного и на этот раз анонимного.

Вот эта сцена:

«Один монарх... впадает в манию... Весь аппарат королевской власти остается в стороне, и душевнобольной... удаляется в изолированный дворец и помещается в одиночную палату, пол и стены которой... устланы матрацами. <...> Двум его прежним пажам исполнинского сложения поручается удовлетворять его потребности... но вместе с тем внушать ему, что он полностью от них зависит и должен отныне им подчиняться. <...> Однажды, находясь в состоянии иступленного бреда, больной очень жестко принимает своего старого врача, явившегося с визитом, швыряя в него грязь и нечистоты. Один из пажей... входит в камеру, связывает безумца... с силой швыряет его на матрац, раздевает, моет губкой его тело, меняет одежду, свысока осматривает его... Подобные уроки... привели к стойкому и необратимому выздоровлению» (с. 35).

Вторая сцена менее яркая и подробная, чем первая. Она показана через ссылку на событие: в 1792 году Пинель входит в палаты госпиталя в Бисетре и освобождает безумных от цепей, которыми они были скованы

на протяжении почти века. Здесь важен вывод, к какому нас подводит автор исходя из этой сцены:

«...между освободителем и теми, кто обрел свободу, устанавливается своеобразный договор благодарности. <...> дикое буйство тела, обуздать которое могли лишь цепи, насилие, уступает место постоянному повиновению одной воли другой. <...> сцена освобождения... не является сценой гуманистической... ее можно проанализировать как властное отношение или, вернее, как превращение властного отношения насилия... в подчинительное отношение, в отношение дисциплины» (с. 44).

Итак, в каком-то смысле мы видим повторение мыслей, высказанных ранее. Но вот чего раньше не было: в «Истории безумия» отсутствовал анализ власти как таковой, следовательно, не было и описания различия двух ее типов «власть–господство» и «власть–дисциплина». В «Психиатрической власти» это различие проанализировано очень подробно.

Клиническое пространство – это, конечно, пространство дисциплины. Но психиатрическая власть, тем не менее, не сводится полностью к дисциплинарной. Усложнение возникает благодаря наличию того, что Фуко называет «пси-функцией». Дело в том, что в рамках дисциплинарного общества существует остаток прежней формы власти – семьи. Она организована по иерархическому принципу подчинения, что и позволяет Фуко отнести ее к форме господства. Однако семья – это не «запоздалый след господства», а «важная деталь дисциплинарной системы» (с. 100). В рамках дисциплинарного общества она имеет две функции, которые делают ее существенным фактором в процессе работы различных дисциплинарных систем: выдача индивидов дисциплинарным аппаратам (обязанности ходить в школу, служить в армии, трудиться требуют, согласно Фуко, семейного господства) и роль «обменника, обеспечивающего переход от одной дисциплинарной системы к другой» (если индивид вытесняется за пределы одной системы как ненормальный, он попадает в семью, откуда уже может быть передан другим, специализированным дисциплинарным системам). Семья, говорит Фуко, «необходима для функционирования дисциплинарных систем точно так же, как тело короля, множественность тел короля, были необходимы для сочленения гетеротопных аппаратов в обществах господства» (с. 102)¹.

¹ Фуко имеет в виду описанный им ранее механизм монархической власти, иерархическая организация которой требовала, чтобы королевское тело, находясь на вершине властной пирамиды, обеспечивая устойчивость и постоянство конструкции, скрепляя подчиненные ей низшие элементы, обладало свойством непрерывности существования. Поэтому тело короля – двойное: реальное физическое тело и мистическое тело, обеспечивающее непрерывное воспроизводство власти. Здесь Фуко опирается на известное исследование Э. Канторовича «Два тела короля».

Когда же возникает эта особая функция анализируемой Фуко психиатрической власти – функция «пси» (психиатрическая, психопатологическая, психокриминологическая, психоаналитическая)? Когда реальная работа семейного господства дает сбой, когда семья перестает выполнять свои функции. И поскольку дисциплинарная система не может без него обойтись, она производит дисциплинарные субституты семьи: приюты для брошенных детей, сиротские дома, колонии для малолетних преступников – все, что Фуко объединяет термином «социальная помощь». Таким образом, пси-функция появляется не в самой психиатрии, но, как выражается Фуко, «вблизи» нее: «Когда индивид уклоняется от семейного господства, его помещают в психиатрическую больницу и приучают там к следованию обыкновенной дисциплине... И постепенно, в [течение] XIX века, в больнице возникают семейные отсылки, психиатрия начинает преподноситься как институциональный проводник дисциплины, нацеленный на рефамелизацию индивида» (с. 105–106). Со временем пси-функция «распространилась на все дисциплинарные системы» (там же).

Таким образом, Фуко показывает: происхождение лечебницы не связано напрямую с системой господства, лечебница принадлежит к дисциплинарной системе, которая, в свою очередь, не может существовать без системы господства.

Но поскольку это лечебница, правомерно поставить вопрос «Что в этом дисциплинарном пространстве, как предполагается, лечит?» (с. 154).

Отвечая на него, Фуко снова обращается к различию, разделяющему две эпохи – классическую и, говоря условно, постклассическую, – и показывает трансформацию власти, происходящую непосредственно в самом процессе лечения.

Врач классической эпохи не сомневался, что истина, доступная ему, может стать доступной и тому, кто в данный момент ею не обладает. На этой истинной уверенности, собственно, и основывалась его власть над пациентом. При этом истина понималась как обратная сторона заблуждения, на чем и основаны классические процедуры Пинеля и Мейсона Кокса², которые предполагают, что «ядром безумия является ложная уверенность, иллюзия, заблуждение. Также они предполагают... что для победы над болезнью достаточно это заблуждение устранить». Но «безумец – это человек, чье заблуждение не может быть рассеяно путем доказательства». Поэтому и требуется «подражать этому ложному убеж-

² Врачи, практиковавшие такой способ лечения, в рамках которого реальность с помощью инсценировки уподобляется бреду, благодаря чему возникает эффект излечения.

дению, манипулировать реальностью, в известном смысле возвышая ее до уровня бреда» (с. 155–156). Врач классической эпохи «манипулирует реальностью так, что заблуждение оказывается истиной». Здесь власть частично еще носит характер игры, которая допускает, что у безумия есть своя истина. Врач классической эпохи «был в некотором смысле проводником власти ирреализации реальности» (с. 157).

Какова же суть изменений, произошедших в психиатрической практике с начала XIX века? Постепенно из процесса лечения раз и навсегда изгоняется проблема истины. «...Психиатр, каким он функционирует в пространстве больничной дисциплины, относится теперь к тому, что говорит безумец, уже не с позиции истины; он решительно, раз и навсегда переходит на сторону реальности» (с. 157). «...Психиатр – это тот, кто призван придать реальному *принудительную* силу, с помощью которой оно сможет овладеть безумием, пронизать его насквозь и уничтожить как таковое» (там же; курсив мой. – Д.Г.). Психиатрия не ставит больше вопроса об истине безумия в рамках лечения. Безумию отказывается в истине. Поскольку психиатрия определяет себя как науку, то заранее полагается, что истиной обладает только она.

Поэтому Фуко дает следующее определение психиатрической власти: это «та дополнительная власть, посредством которой реальное предписывается безумию в качестве истины, раз и навсегда подкрепленной этой властью, дающей психиатрии статус медицинской науки» (с. 158).